

*Посвящается Ричарду и Майре Мэллок
в память об их путешествии в Петру*

ЧАСТЬ I

Глава 1

— Ты ведь понимаешь, не так ли, что ее придется убить? — Вопрос словно завис в неподвижном ночном воздухе, а затем уплыл в темноту в сторону Мертвого моря.

Эркюль Пуаро задержался на минуту, положив руку на оконный шпингалет. Нахмурившись, он решительно закрыл окно. Пуаро был воспитан в твердом убеждении, что свежий воздух лучше оставлять снаружи и что ночной воздух особенно опасен для здоровья.

Аккуратно задернув портьеры, он с удовлетворенной улыбкой направился к кровати.

«Ты ведь понимаешь, не так ли, что ее придется убить?»

Странные слова довелось услышать детективу Эркюлю Пуаро в его первую ночь в Иерусалиме!

— Куда бы я ни отправился, всегда что-нибудь напоминает мне о преступлении! — пробормотал он себе под нос.

Пуаро продолжал улыбаться, вспоминая когда-то слышанную им историю о писателе Энтони Троллопе¹. Пересекая Атлантику, Троллоп случайно услышал разговор двух попутчиков, обсуждавших его последний роман.

— Книга очень хороша, — заявил один из них, — но ему следовало прикончить эту нудную старуху!

Широко улыбнувшись, писатель обратился к ним:

— Очень вам признателен, джентльмены! Сейчас пойду и убью ее!

¹ Троллоп Энтони (1815—1882) — английский писатель. (Здесь и далее примеч. пер.)

214 Эркюля Пуаро интересовало, что означают слова, которые он только что услышал. Возможно, разговор соавторов пьесы или романа?..

«Эту фразу следует запомнить, — с улыбкой подумал он. — В один прекрасный день она может приобрести более зловещий смысл».

Из памяти все не уходил эмоционально-напряженный голос и дрожь, заметная в нем. Это был голос молодого мужчины — или мальчика...

«Я бы узнал его, если бы услышал снова», — подумал Эркюль Пуаро, выключая ночник.

Опершись локтями на подоконник и склонив друг к другу головы, Реймонд и Кэрол Бойнтон вглядывались в ночную тьму.

— Ты ведь понимаешь, что ее придется убить? — повторил Реймонд свою последнюю фразу.

Кэрол поежилась.

— Это ужасно! — произнесла она хриплым шепотом.

— Не более ужасно, чем то, что происходит сейчас!

— Да, пожалуй...

— Так больше не может продолжаться! — горячо воскликнул Реймонд. — Мы должны что-то предпринять. А больше ничего сделать нельзя.

— Если бы мы могли куда-нибудь уехать... — Голос Кэрол звучал неубедительно, и она это знала.

— Ты прекрасно понимаешь, Кэрол, что это невозможно.

Девушка снова поежилась.

— Да, Рей, понимаю...

Он с горечью усмехнулся:

— Люди сочли бы нас безумными, если бы узнали, что мы не можем даже пойти прогуляться...

— Возможно, мы в самом деле безумцы, — медленно произнесла девушка.

— Похоже на то. А если нет, то скоро ими станем. Некоторые сказали бы, что мы уже спятили, если сидим здесь и хладнокровно планируем убить нашу мать.

— Она нам не мать! — резко возразила Кэрол.

— Да, верно.

Последовала пауза, затем Реймонд осведомился почти обыденным тоном:

— Так ты согласна, Кэрол?

— Думаю, она должна умереть... — ответила девушка. — Я уверена, что она сумасшедшая, иначе не мучила бы нас так. Годами мы надеялись, что она когда-нибудь умрет, но этого не происходит! Не думаю, что она вообще умрет, если мы...

— Если мы не убьем ее, — закончил Реймонд.

— Да.

Кэрол судорожно вцепилась в подоконник.

Ее брат продолжал говорить так же спокойно и деловито — лишь легкая дрожь в голосе выдавала его возбуждение.

— Ты понимаешь, почему это должен сделать один из нас? С Ленноксом придется принимать в расчет и Надин. А втягивать в это Джинни мы не можем.

Кэрол вздрогнула:

— Бедняжка Джинни! Я так боюсь...

— Знаю. Ей все хуже и хуже. Поэтому нужно действовать быстро — пока не стало слишком поздно.

Внезапно Кэрол поднялась, откинув со лба каштановые пряди.

— Рей, тебе не кажется, что так нельзя?

— Нет, — отозвался он тем же бесстрастным тоном. — Не кажется. По-моему, это все равно что убить бешеную собаку — уничтожить то, что приносит только вред. Иначе это никак не остановить.

— Но нас отправят на электрический стул... — пробормотала Кэрол. — Мы ведь не сможем объяснить, что она собой представляла, — это звучало бы фантастически... В какой-то степени все это происходит только у нас в голове.

— Никто ничего не узнает, — успокоил ее Реймонд. — У меня есть план. Я все продумал. Мы будем в полной безопасности.

Кэрол повернулась к нему:

— Ты стал другим, Рей. С тобой что-то стряслось. Что вбило это тебе в голову?

- 216 — Почему что-то должно было со мной страстись?
Он отвернулся, глядя в ночь.
— Потому что так оно и есть... Рей, все дело в той девушке в поезде?
— Конечно, нет! Не болтай чепуху, Кэрол! Давай вернемся к...
— К твоему плану? Ты уверен, что это... хороший план?
— Думаю, что да. Разумеется, нам нужно дождаться удобного случая. А потом, если все пройдет удачно, мы все будем свободны.
— Свободны? — Кэрол вздохнула и посмотрела на звезды. Внезапно она затряслась от беззвучных рыданий.
— Что с тобой, Кэрол?
Она громко всхлипнула.
— Здесь так красиво — ночь, темнота, звезды... Если бы мы могли стать частью всего этого — чувствовать себя как другие люди, а не быть странными, заторможенными куклами...
— Но мы будем как другие — когда она умрет!
— Ты уверен? Не слишком ли поздно? Не останемся ли мы навсегда такими, как сейчас?
— Нет, нет, нет!
— Сомневаюсь.
— Кэрол, если ты не хочешь...
Она отодвинула от себя его руку.
— Нет, я с тобой! Ради остальных — особенно ради Джинни! Мы должны спасти ее!
Реймонд немного помедлил.
— Значит... будем действовать?
— Да!
— Отлично. Я открою тебе мой план...
И он снова склонил к ней голову.

Глава 2

Мисс Сара Кинг, бакалавр медицины, стояла у стола в просторном салоне отеля «Соломон» в Иерусалиме, лениво перебирая газеты и журналы и задумчиво нахмурилась брови.

Высокий француз средних лет, вошедший в комнату из холла, пару минут наблюдал за ней, прежде чем подойти к столу с противоположной стороны. Когда их взгляды встретились, Сара улыбнулась, вспомнив, как по пути из Каира этот человек пришел ей на помощь и подхватил один из ее чемоданов, так как поблизости не оказалось ни одного носильщика.

— Вам нравится Иерусалим? — спросил доктор Жерар после того, как они обменялись приветствиями.

— В некоторых отношениях он просто ужасен, — ответила Сара и добавила: — Все-таки религия — странная штука.

Француза, казалось, позабавили эти слова.

— Я знаю, что вы имеете в виду. — Его английский был почти безупречным. — Даже мелкие секты грызутся друг с другом.

— А какие жуткие сооружения они возводят! — воскликнула Сара.

— Да, верно.

Сара вздохнула:

— Сегодня меня выставили из одного храма, потому что на мне было платье без рукавов. Очевидно, господу не по душе мои руки, хотя он сам их создал.

Доктор Жерар засмеялся:

— Я собирался заказать кофе. Вы не присоединитесь ко мне, мисс...

— Меня зовут Сара Кинг.

— А меня... позвольте... — Он протянул карточку.

Сара с благоговением уставилась на нее:

— Доктор Теодор Жерар? О, я так рада, что встретила с вами! Разумеется, я читала все ваши работы. Ваши взгляды на шизофрению необычайно интересны.

— Разумеется? — Жерар вопросительно приподнял брови.

— Понимаете, — робко объяснила Сара, — я некоторым образом тоже врач. Только что получила степень бакалавра.

— В самом деле?

Доктор Жерар заказал кофе, и они заняли столик в

218 углу. Француза куда меньше интересовали медицинские достижения Сары, чем ее вьющиеся черные волосы и красивой формы алый рот. Его забавляло почтение, с которым она взирала на него.

— Вы надолго остановились здесь? — спросил он.

— На несколько дней. Потом я отправлюсь в Петру¹.

— Вот как? Я тоже подумываю съездить туда, если это не отнимет слишком много времени. Четырнадцатого числа я уже должен быть в Париже.

— Думаю, это займет около недели. Два дня туда, два дня там и еще два обратно.

— Утром схожу в туристическое бюро и выясню, как это организовать.

Группа людей, войдя в комнату, расположилась в углу. Сара с интересом наблюдала за ними.

— Вы не обратили на них внимания в поезде? — спросила она, понизив голос. — Они ехали из Каира вместе с нами.

Доктор Жерар вставил в глаз монокль и повернулся в сторону группы.

— Американцы?

— Да, — кивнула Сара. — Американская семья. Но... по-моему, довольно необычная.

— Необычная? В каком смысле?

— Ну посмотрите на них. Особенно на старуху.

Доктор Жерар повиновался. Его острый взгляд быстро перебежал с одного лица на другое.

Сначала он оглядел высокого, на вид довольно вялого мужчину лет тридцати. Лицо того было приятным, но безвольным, а манеры казались до странности апатичными. Рядом сидели миловидные юноша и девушка — у юноши был почти греческий профиль. «С ним тоже что-то не так, — подумал доктор Жерар. — Он явно пребывает в состоянии нервного напряжения». Девушка, очевидно, была его сестрой — сходство бросалось в глаза — и также выглядела возбужденной. Еще одна девушка,

¹ Петра — древний город на юге Иордании; во II в. до н. э. — I в. н. э. — столица Nabateйского царства.

моложе их, с рыжевато-золотистыми волосами, окружавшими голову, словно нимб, постоянно теребила лежащий на коленях носовой платок. Зато в другой молодой женщине — брюнетке с матово-бледным спокойным лицом, походившим на лицо мадонны кисти Луини¹, не было ничего нервного. А в центре группы... «Господи! — подумал доктор Жерар с истинно французским бескомпромиссным отвращением. — Какое жуткое создание!» Массивная, обрюзгшая старуха сидела неподвижно, точно изуродованная статуя Будды или огромный паук в центре паутины.

— La maman² не слишком привлекательна, верно? — заметил Жерар, повернувшись к Саре.

— Вам не кажется, что в ней есть... нечто зловещее?

Доктор Жерар снова посмотрел на старуху — на сей раз с профессиональной, а не с эстетической точки зрения.

— Водянка... сердечная недостаточность...

— Дело не в том. — Сара отмахнулась от медицинского вердикта. — В их отношении к ней есть что-то странное.

— А вы знаете, кто они?

— Семейство по фамилии Бойнтон. Мать, женатый сын, его жена, младший сын и две младшие дочери.

— La famille³ Бойнтон обзореваает мир, — пробормотал доктор.

— Да, но они делают это довольно странным образом. Ни с кем не разговаривают. И никто из них не может пальцем шевельнуть без разрешения старухи.

— Эта особа придерживается матриархального типа отношений, — задумчиво промолвил Жерар.

— По-моему, она просто тиран, — заявила Сара.

Доктор Жерар пожал плечами и заметил, что американская женщина правит миром — это известно всем.

¹ Луини Бернардино (ок. 1485—1532) — итальянский художник.

² Мамаша (фр.).

³ Семья (фр.).

220 — Да, но здесь нечто большее, — настаивала Сара. — Она всех их держит под каблуком. Это... это недостойно!

— Женщинам не следует предоставлять слишком много власти, — с серьезным видом согласился Жерар и покачал головой. — Им трудно ею не злоупотреблять.

Он бросил быстрый взгляд на Сару. Она все еще наблюдала за семейством Бойнтон — вернее, за одним его представителем. Доктор Жерар улыбнулся чисто галльской понимающей улыбкой. Так вот оно что!

— Вы уже разговаривали с ними? — спросил он.

— Да, по крайней мере, с одним из них.

— С молодым человеком — младшим сыном?

— Да. В поезде из Кантары. Он стоял в коридоре, и я заговорила с ним.

В отношении Сары к жизни не было робости. Она испытывала к людям дружеский интерес, хотя иногда они ее раздражали.

— Что заставило вас это сделать? — спросил Жерар.

Сара пожала плечами:

— Я часто разговариваю с попутчиками. Меня интересуют люди — что они делают, думают и чувствуют.

— Короче говоря, вы помещаете их под микроскоп?

— Можно сказать и так, — согласилась девушка.

— И каковы были ваши впечатления в данном случае?

— Ну... — Сара колебалась, — довольно странные. Прежде всего, парень покраснел до корней волос.

— Разве это так уж странно? — сухо осведомился Жерар.

Сара засмеялась:

— Вы имеете в виду, он подумал, что я бесстыжая потаскушка, делающая ему авансы? Вряд ли. Мужчины всегда могут это определить, не так ли?

Жерар кивнул.

— У меня сложилось впечатление, — Сара слегка нахмурилась, — что он... как бы это сказать?... Одновременно возбужден и напуган. Странно — американцы всегда казались мне необычайно уверенными в себе. Американский юноша лет двадцати знает о жизни куда боль-

ше, чем его английский сверстник. А этому парню должно быть больше двадцати. 221

— Я бы сказал, года двадцать три — двадцать четыре.

— Неужели так много?

— По-моему, да.

— Возможно, вы правы... Хотя он кажется совсем юным.

— Духовная неприспособленность, иначе говоря — инфантилизм.

— Значит, я права? В нем есть что-то не вполне нормальное?

Доктор Жерар улыбнулся ее серьезному тону:

— Моя дорогая юная леди, кто из нас вполне нормален? Но я ручаюсь за то, что у него какой-то невроз.

— Наверняка связанный с этой ужасной старухой!

— Похоже, вам она очень не нравится, — заметил Жерар, с любопытством глядя на собеседницу.

— Очень. Она... у нее дурной глаз!

— Как и у многих матерей, когда их сыновья увлекаются очаровательными молодыми леди, — пробормотал Жерар.

Сара с раздражением пожала плечами. Французы все одинаковы, подумала она. Помешаны на сексе! Но, как добросовестный психолог, она признавала, что многие отклонения действительно основаны на скрытом сексуальном факторе. Мысли Сары потекли по проторенной профессиональной колее.

Вздвигнув, она оторвалась от размышлений. Реймонд Бойнтон подошел к центральному столу и выбрал журнал. Когда он, возвращаясь, проходил мимо стула Сары, она обратилась к нему:

— Вы сегодня осматривали достопримечательности?

Сара произнесла фразу наугад — ее интересовало, как он ее воспримет.

Реймонд остановился, покраснел и бросил испуганный взгляд на мать.

— Да... — неуверенно пробормотал он. — Да, конечно...

222 Затем стремглав, как будто в него вонзили шпоры, он поспешил назад к семье.

Гротескная фигура Будды протянула руку за журналом, не сводя при этом глаз с юноши. Пробормотав невнятные слова благодарности, старуха слегка повернула голову, устремив взгляд на Сару. Ее лицо было лишено всякого выражения — было невозможно определить, что творится в голове у этой женщины.

Сара посмотрела на часы и воскликнула:

— Сейчас гораздо позже, чем я думала! — Она поднялась. — Спасибо за кофе, доктор Жерар. Я должна написать несколько писем.

Доктор тоже встал и взял ее за руку:

— Надеюсь, мы еще увидимся?

— Конечно! Может быть, вы все же поедете в Петру?

— Во всяком случае, постараюсь.

Сара улыбнулась и направилась к выходу мимо семейства Бойнтон.

Доктор Жерар увидел, как взгляд миссис Бойнтон переместился на лицо сына. Когда Сара проходила мимо, Реймонд неохотно отвернулся от нее. Казалось, мать натянула невидимую струну.

Сара заметила это. Она была достаточно молода, чтобы этот жест раздосадовал ее. Они так дружелюбно беседовали в коридоре спального вагона — сравнивали впечатления о Египте, смеялись над нелепыми фразами погонщиков ослов и уличных торговцев. Сара рассказала, как погонщик верблюдов дерзко осведомился: «Вы английская леди или американская?» — и, получив ответ: «Нет, китайская!» — озадаченно уставился на нее. Юноша казался Саре похожим на школьника — в его непосредственности было что-то трогательное. А теперь, без всякой причины, он повел себя так неучтиво!

«Не буду больше думать о нем!» — мысленно произнесла Сара.

Не будучи самовлюбленной, она знала себе цену, не сомневалась в своей привлекательности для противоположного пола и не привыкла к такому обращению.

Возможно, она вела себя слишком по-дружески с

этим мальчишкой, так как по непонятной причине чувствовала к нему жалость. 223

Но он оказался всего лишь высокомерным американским грубияном!

Вместо того чтобы заняться письмами, о которых она упоминала, Сара Кинг села за туалетный столик, зачесала назад волосы со лба, устремила взгляд карих глаз в зеркало и задумалась о своем положении.

Месяц назад она перенесла серьезный эмоциональный кризис, разорвав помолвку с молодым врачом старше ее на четыре года. Они были сильно увлечены друг другом, но слишком схожи по характеру. Размолвки и ссоры следовали одна за другой. Сара была чересчур независимой, чтобы безропотно кому-то подчиняться. Как и многие пылкие натуры, она полагала, что способна восхищаться силой и хочет, чтобы ею повелевали, но, когда встретила мужчину, способного на это, ее это отнюдь не устроило. Разрыв помолвки стоил Саре немалой душевной боли, однако она была достаточно разумной и понимала, что взаимное влечение — слишком хрупкий фундамент для счастливой семейной жизни. Сара специально отправилась путешествовать за границу, чтобы забыть обо всем, прежде чем вернется к работе.

Ее мысли переключились от прошлого к настоящему.

«Интересно, доктор Жерар позволит мне поговорить с ним о его работе? Он такой замечательный специалист! Только бы он воспринял меня всерьез... Возможно, если он поедет в Петру...»

Сара снова подумала о странном молодом американце. У нее не было сомнения, что причиной его поведения было присутствие семьи, тем не менее она испытывала к нему презрение. Быть под каблуком у такой семейки просто недостойно мужчины!

И все же...

Ею овладело странное чувство. Здесь явно что-то не так!

— Этот юноша нуждается в спасении! — произнесла она вслух. — И я о нем позабочусь!

Когда Сара вышла из салона, доктор Жерар несколько минут оставался сидеть, потом подошел к столу в центре, взял последний номер «Ле Матен» и сел в кресло неподалеку от семьи Бойнтон.

Сначала доктора позабавил интерес английской девушки к американскому семейству, и он отметил про себя, что правильно диагностировал причину — интерес Сары к одному из его представителей. Но теперь странная компания пробудила в нем бесстрастное любопытство исследователя. Он чувствовал, что тут есть нечто, представляющее чисто научный, психологический интерес.

Прикрывшись газетой, Жерар исподтишка наблюдал за Бойнтонами. Юноша, которым так заинтересовалась симпатичная английская девушка, определенно принадлежал к типу, способному ее привлечь. Сара Кинг обладала силой воли, хладнокровием и решимостью, а молодой человек, по мнению доктора Жерара, был чувствительным, робким и легко поддающимся внушению. Острый взгляд психиатра подметил, что юноша пребывает в состоянии крайнего нервного напряжения. В чем причина? Доктор был озадачен. Почему молодой человек, явно здоровый физически и отправившийся в туристическую поездку за границу, находится на грани нервного срыва?

Доктор Жерар перенес внимание на других членов семьи. Девушка с каштановыми волосами, очевидно, была сестрой Реймонда. Они походили друг на друга аристократическими чертами лица, четкой линией подбородка, родственность выдавали тонкие изящные руки, стройные худощавые фигуры. И девушка тоже нервничала... Она делала едва заметные произвольные движения, под неестественно блестящими глазами темнели круги. Речь была слишком быстрой и слегка прерывистой. Она пребывала настороже и не могла расслабиться.

«Эта девушка также чем-то напугана», — решил Жерар.

Он слышал обрывки разговора, казавшегося вполне
ординарным.

— Можем сходить в конюшни Соломона...¹

— А это не слишком тяжело для мамы?

— Утром посмотрим Стену Плача?²

— И храм — его называют мечеть Омара³. Интересно,
почему?

— Потому что его переделали в мечеть, Леннокс.

Обычная беседа туристов. И все же она производила
странное впечатление нереальности. Казалось, эти люди
носили маски, скрывающие то, что бурлит под ними, —
нечто слишком глубокое и трудноразличимое, чтобы вы-
разить это словами... Жерар вновь метнул на Бойнтонов
взгляд из-под «Ле Матен».

Леннокс? Это, по-видимому, старший брат. Семей-
ное сходство заметно и в нем, но есть и отличие. Лен-
нокс не был так напряжен — он, по мнению Жерара, не
обладал столь нервным темпераментом. Однако и в нем
ощущалось нечто странное. Мышечное напряжение от-
сутствовало — он сидел в вялой, расслабленной позе.

«Он изможден страданиями, — думал доктор Жерар,
пытаясь найти аналогию среди пациентов, виденных им
в больничных палатах. — Этот взгляд раненой собаки
или больной лошади — тупая, чисто животная покор-
ность... Странно... Физически с ним вроде бы все в по-
рядке... И все же он, несомненно, перенес не так давно
сильные душевные муки, но больше не страдает и терпе-
ливо ждет удара. Какого? Не выдумываю ли я все это?
Нет, этот человек ожидает конца. Так ждут больные
раком, благодарные за то, что лекарство хоть немного
уменьшает боль...»

¹ Конюшни Соломона — подземные помещения, най-
денные при раскопках Второго храма в Иерусалиме, построенно-
го в 515 г. до н. э. и разрушенного римлянами.

² Стена Плача — часть западной стены Второго храма —
иудейская святыня.

³ Мечеть Омара — так называемый «Купол скалы» — зда-
ние с золотым куполом в центре Храмовой горы в Иерусалиме,
построенное в 691 г., — мусульманская святыня.

226 Леннокс Бойнтон встал и поднял клубок шерсти, который уронила старая леди.

— Возьми, мама.

— Спасибо.

Что вязала эта монументальная бесстрастная старуха? «Варежки для обитателей работного дома!» — подумал Жерар и улыбнулся собственной фантазии.

Он переключил внимание на самого младшего члена группы — девушку с золотисто-рыжеватыми волосами. На вид ей было лет девятнадцать. Ее кожа отличалась необычайной белизной, часто встречающейся у рыжеволосых. Лицо было худым, но прекрасным. Она сидела, глядя перед собой и улыбаясь собственным мыслям, очевидно далеким от Иерусалима и отеля «Соломон»... Странная, неземная улыбка, едва приподнимавшая уголки рта, напомнила Жерару статуи мраморных дев афинского Акрополя. Это была чарующая неподвижность.

Внезапно доктор Жерар посмотрел на руки девушки. От остальных членов семьи их скрывал стол, но он со своего места четко видел, как они рвут на мелкие полосы тонкий носовой платочек.

Это зрелище потрясло его до глубины души. Мечтательная улыбка, неподвижная фигура — и беспокойные, разрушающие руки...

Глава 4

Послышался хриплый астматический кашель, затем монументальная женщина заговорила:

— Ты устала, Джиневра, тебе лучше пойти спать.

Девушка вздрогнула — пальцы прекратили машинные действия.

— Я не устала, мама.

Ее напевный, мелодичный голос придавал особое очарование даже самым обычным словам.

— Ты устала. Я всегда это знаю. Вряд ли ты завтра сможешь пойти на экскурсию.

— Конечно, смогу! Со мной все в порядке!

— Нет, не сможешь, — отозвался скрипучий голос ее матери. — Ты вот-вот сляжешь.

— Нет! — Девушка задрожала всем телом.

— Я пойду с тобой наверх, Джинни.

Молодая женщина с задумчивыми серыми глазами и аккуратной прической поднялась со стула.

— Нет, — возразила старая миссис Бойнтон. — Пусть идет одна.

— Я хочу, чтобы со мной пошла Надин! — вскрикнула девушка.

— Тогда я, конечно, пойду. — Молодая женщина шагнула вперед.

— Малышка предпочитает идти одна, — настаивала старуха. — Не так ли, Джинни?

Последовала пауза. Затем Джиневра Бойнтон произнесла тусклым и бесстрастным голосом:

— Да, лучше я пойду одна. Спасибо, Надин.

Она направилась к выходу — ее высокая угловатая фигура двигалась с поразительной грацией.

Доктор Жерар отложил газету и устремил внимательный взгляд на миссис Бойнтон. Старуха смотрела вслед дочери; на ее одутловатом лице играла странная улыбка — карикатура на прекрасную, неземную улыбку, которая совсем недавно озаряла лицо девушки.

Глаза миссис Бойнтон переместились на Надин, которая снова села. Молодая женщина спокойно встретила злобный взгляд свекрови. Лицо ее оставалось невозмутимым.

«Что за нелепая тирания!» — подумал доктор Жерар.

Внезапно глаза старухи заметили его, и он затаил дыхание. Маленькие, черные, тлеющие глазки излучали злую силу, словно глаза кобры. Доктор Жерар понимал, что перед ним не просто деспотичный инвалид, потворствующий своим причудам. Миссис Бойнтон могла быть старой, больной и немощной, но она не утратила силы духа. Эта женщина отлично знала, что такое власть, привыкла пользоваться ею и не сомневалась в своем могуществе. Доктор однажды видел укротительницу, демонстрировавшую эффектные и опасные номера с тиграми. Огромные полосатые звери смиренно занимали свои

228 места и послушно выполняли унижительные трюки. Их глаза и негромкое рычание свидетельствовали о бешеной ненависти, но они повиновались хозяйке. Укротительница была молодой красивой женщиной, но взгляд у нее был такой же, как у миссис Бойнтон.

Теперь Жерар понимал, что скрывалось за безобидной семейной беседой. Ненависть — мрачный и бурный поток ненависти.

«Каким нелепым сочло бы меня большинство людей! — думал он. — Передо мной дружная американская семья, приехавшая в Палестину отдохнуть, а я плету вокруг нее всякую чертовщину!»

Доктор Жерар с интересом разглядывал спокойную молодую женщину, которую звали Надин. На ее левой руке поблескивало обручальное кольцо, и Жерар заметил, как она бросила быстрый взгляд на вялого светловолосого Леннокса. Тогда он понял, что эти двое — муж и жена. Но взгляд был скорее материнским — беспокойным и оберегающим. Доктор Жерар понял кое-что еще. Надин Бойнтон — единственная из всей группы — оставалась неподвластной чарам старой ведьмы. Возможно, она не любила свою свекровь, но не боялась ее.

Надин была несчастлива и переживала за мужа, но она была свободна.

«Все это очень интересно», — заключил доктор Жерар.

Глава 5

Дыхание обыденного вторглось в его мрачные мысли почти с комедийным эффектом.

В салон вошел мужчина, увидел Бойнтонов и направился к ним. Это был симпатичный, но абсолютно ординарный человек, типичный американец средних лет, аккуратно одетый, с гладко выбритым лицом и приятным, но несколько монотонным голосом.

— Я повсюду искал вас, — сказал он, пожимая руки всем членам семьи по очереди. — Как вы себя чувствуете, миссис Бойнтон? Не слишком устали после путешествия?

— Нет, благодарю вас, — почти любезно ответила старая леди. — Как вам известно, мое здоровье всегда оставляло желать лучшего...

— Да, к сожалению.

— Но хуже мне не стало. — Миссис Бойнтон добавила со змеиной улыбкой: — Надин заботится обо мне. Не так ли, Надин?

— Стараюсь по мере сил. — Голос был абсолютно бесстрастным.

— Не сомневаюсь, — сказал вновь пришедший. — Ну, Леннокс, что вы думаете о городе царя Давида?¹

— Право, не знаю, — без всякого интереса отозвался Леннокс.

— Нашли его немного разочаровывающим? Признаюсь, сначала он тоже показался мне таким. Но возможно, вы еще не все видели?

— Мы не можем долго ходить из-за мамы, — сказала Кэрол.

— Я могу позволить себе не более пары часов экскурсий в день, — объяснила старая леди.

— По-моему, вы просто молодчина, миссис Бойнтон, если справляетесь со всем этим! — от души воскликнул незнакомец.

Миссис Бойнтон хрипло, почти злорадно усмехнулась:

— Я не поддаюсь телесным слабостям! Самое главное — дух!

Жерар заметил, как Реймонд Бойнтон нервно дернулся.

— Вы уже были у Стены Плача, мистер Коуп? — спросил он.

— Да, это место я посетил одним из первых. Надеюсь, мне хватит еще пары дней на Иерусалим, а потом возьму в советчики путеводаителя бюро Кука², чтобы тщательно осмотреть всю Святую землю. Вифлеем³, На-

¹ Ок. 1004 г. до н. э. царь Давид сделал Иерусалим столицей Израиля.

² Бюро Кука — туристическое агентство, названное по имени его основателя Томаса Кука (1808—1892).

³ Вифлеем — город к югу от Иерусалима, где, согласно Библии, родился Христос.

230 зарет¹, Тиверия², Галилейское море³ — все это страшно интересно! Потом Джераш, где очень любопытные римские руины. И мне бы очень хотелось увидеть розово-красную Петру — замечательный природный феномен, город в стороне от проторенных путей — правда, одна дорога туда и обратно занимает почти неделю.

— Я бы тоже хотела там побывать, — сказала Кэрол. — Звучит так заманчиво!

— На это, безусловно, стоит посмотреть. — Мистер Коуп с сомнением взглянул на миссис Бойнтон и продолжал голосом, который показался неуверенным прислушивающемуся к разговору французу: — Не смог бы я убедить кого-нибудь из вас отправиться туда со мной? Разумеется, я понимаю, что вам такая поездка не под силу, миссис Бойнтон, и что кто-то должен остаться с вами, но если бы вы смогли временно разделиться...

Он сделал паузу, и Жерар услышал, как постукивают друг о друга спицы в руках миссис Бойнтон.

— Не думаю, что мы захотим разделяться, — промолвила она. — Мы очень дружная семья. Что скажете, дети?

В ее голосе слышались металлические нотки. Ответы прозвучали незамедлительно.

— Нет, мама.

— И речи быть не может.

— Конечно, нет.

Миссис Бойнтон улыбнулась своей странной улыбкой:

— Видите — они не хотят меня покидать. А ты, Нэдин? Ты ничего не сказала.

— Нет, мама, спасибо. Я останусь, если только Леннокс не захочет поехать.

Миссис Бойнтон медленно повернулась к сыну:

¹ Назарет — город на севере Палестины, где, согласно Библии, вырос Христос.

² Тиверия — область и город на севере нынешнего Израиля, названа по имени римского императора Тиберия.

³ Галилейское море — одно из названий озера Кинерет в Тиверии (бывшей Галилее), известное также как Генисаретское и Тивериадское.

— Ну, Леннокс, почему бы тебе и Надин не поехать в Петру? Твоя жена, кажется, этого хочет.

Леннокс вздрогнул и поднял взгляд:

— Я... э-э... нет, думаю, нам лучше держаться вместе.

— Вы действительно на редкость дружная семья! — воскликнул мистер Коуп, но его восхищение казалось слегка деланным.

— Мы предпочитаем оставаться в своем кругу. — Миссис Бойнтон стала сматывать клубок. — Кстати, Реймонд, кто та молодая женщина, которая недавно заговорила с тобой?

Реймонд покраснел, затем побледнел.

— Я... я не знаю ее имени. Прешлой ночью она ехала с нами в одном вагоне.

Миссис Бойнтон начала медленно подниматься со стула.

— Не думаю, что у нас с ней много общего, — сказала она.

Надин встала и помогла свекрови подняться. Она делала это с профессиональной ловкостью, привлекая внимание Жерара.

— Пора спать, — заявила миссис Бойнтон. — Доброй ночи, мистер Коуп.

— Доброй ночи, миссис Бойнтон. Доброй ночи, миссис Леннокс.

Семья удалилась маленькой процессией. Никому из младших ее представителей, казалось, даже в голову не пришло остаться.

Мистер Коуп смотрел им вслед. На его лице застыло странное выражение.

Доктор Жерар знал по опыту, что американцы — дружелюбная нация. Они не страдают недоверчивостью и подозрительностью путешествующих британцев. Для столь светского человека, как доктор Жерар, не составляло труда познакомиться с мистером Коупом. Кроме того, было видно — американцу явно не доставало общения. Доктор снова извлек визитную карточку.

Написанное на ней имя произвело на мистера Джефферсона Коупа должное впечатление.

232 — Вы ведь не так давно были в Штатах, доктор Жерар?

— Прошлой осенью. Читал лекции в Гарварде.

— Ну конечно! Ваше имя — одно из самых известных в психиатрии. А в Париже вы ведущий специалист.

— О, сэр, вы слишком любезны! Я протестую!

— Познакомиться с вами большая честь! Сейчас в Иерусалиме немало выдающихся личностей. Помимо вас, лорд Уэллдон, сэр Гейбриэл Штейнбаум — финансист, сэр Мэндерс Стоун — ветеран английской археологии, леди Уэстхолм, занимающая видное место в политической жизни Британии, и, наконец, знаменитый бельгийский детектив — Эркюль Пуаро.

— Сам Эркюль Пуаро? Он тоже здесь?

— Должен признаться, доктор Жерар, последнее время я часто думал об этой семье. Вам не наскучит, если я расскажу вам о них? Это облегчило бы мне душу.

Доктор Жерар охотно согласился.

— Скажу прямо — они меня беспокоят, — продолжал мистер Коуп, озадаченно нахмурившись. — Понимаете, миссис Бойнтон — мой близкий друг. Я имею в виду не старую миссис Бойнтон, а молодую — миссис Леннокс Бойнтон.

— Ах да, очаровательная темноволосая молодая леди.

— Верно, это Надин Бойнтон. Она действительно очаровательное существо. Я знал ее еще до замужества. Она стажировалась в больнице, собираясь стать медсестрой, но потом провела отпуск с Бойнтонами и вышла замуж за Леннокса.

— Да?

Мистер Джефферсон Коуп снова глотнул виски.

— Позвольте рассказать вам, доктор Жерар, кое-что из семейной истории Бойнтонов.

— С удовольствием послушаю.

— Покойный Элмер Бойнтон — человек известный и очень симпатичный — был женат дважды. Первая жена умерла, когда Кэрл и Реймонд были еще младенцами. Вторая миссис Бойнтон, как мне говорили, была красивой женщиной, когда Элмер на ней женился, хотя

уже тогда не очень молодой. Глядя на нее сейчас, не скажешь, что она прежде была хороша собой, но я слышал это от людей, в словах которых не могу сомневаться. Муж очень любил ее и во всем полагался на ее мнение. Несколько лет перед смертью он провел в инвалидной коляске, и она практически всем управляла. Миссис Бойнтон — очень способная женщина с идеальной головой для бизнеса. К тому же она очень добросовестная и после кончины Элмера целиком и полностью посвятила себя его детям. Родная дочь у нее только одна — Джиневра, рыжеволосая девушка, хорошенькая, но, на мой взгляд, слишком хрупкая. Миссис Бойнтон полностью отгородила себя и детей от внешнего мира. Не знаю, что вы об этом думаете, но мне это не кажется правильным.

— Согласен с вами. Такое крайне негативно отражается на развивающейся психике.

— Вот именно. Миссис Бойнтон не позволяла детям никаких контактов вне семьи. В результате они выросли нервными и дергаными. Не могут ни с кем дружить. Это скверно.

— Очень скверно.

— Не сомневаюсь, что намерения у миссис Бойнтон самые лучшие. Просто она слишком привязана к детям.

— Они живут все вместе?

— Да.

— И никто из сыновей не работает?

— Нет. Элмер Бойнтон был богатым человеком. Он оставил все деньги жене, но подразумевалось, что они пойдут на содержание семьи.

— Значит, дети зависят от нее финансово?

— Да. Она поощряет их желание оставаться дома, никуда не выходить и не искать работу. Конечно, денег у них достаточно, но, по-моему, для мужчины работа — хороший стимул. К тому же у них нет никаких увлечений. Они не играют в гольф, не состоят в сельских клубах, не ходят на танцы и не общаются с молодежью. Живут в доме, похожем на казарму, в сельской глуши, где на несколько миль никого не встретишь. Повторяю, доктор Жерар, мне это не кажется правильным.

234 — Снова должен с вами согласиться, — кивнул Жерар.

— Никто из них не стремится к более широкому общению. Конечно, они дружная семья, но замкнуты в своем кругу.

— И никогда не возникал вопрос о том, чтобы кто-то из них жил самостоятельно?

— Насколько я знаю, нет.

— Вы вините в этом их или миссис Бойнтон?

Джефферсон Коуп смущенно переминался с ноги на ногу.

— Ну, в общем, мне кажется, вина ее, что она так их воспитала. С другой стороны, когда парень взрослеет, он сам должен взбунтоваться против такой ситуации. Нельзя же вечно цепляться за материнскую юбку. Мужчина должен быть независимым.

— Это не всегда возможно, — задумчиво произнес доктор Жерар.

— Почему?

— Существуют способы, не дающие дереву расти.

Коуп уставился на него.

— Но они все абсолютно здоровы!

— Умственное развитие может быть заторможенным так же, как и физическое.

— Поверьте мне, доктор Жерар, мужчина сам держит в руках свою судьбу. Человек, обладающий самоуважением, не станет целыми днями сидеть и бить баклуши. Ни одна женщина не захочет уважать такого мужчину.

Некоторое время Жерар с любопытством смотрел на него.

— Думаю, вы имеете в виду мистера Леннокса Бойнтона?

— Да, я думал о Ленноксе. Реймонд еще мальчик, а Ленноксу скоро тридцать. Пора ему показать, что у него за душой.

— Вероятно, у его жены нелегкая жизнь?

— Конечно! Надин прекрасная женщина — я ею восхищаюсь. Она никогда не проронит ни слова жалобы. Но она несчастлива.

Жерар кивнул:

— Да, похоже на то.

— Не знаю, что вы об этом думаете, но, по-моему, существует предел женскому терпению! На месте Надин я бы поставил Леннокса перед выбором: либо пусть он докажет, что на что-то способен, либо...

— Либо она уйдет от него?

— Надин имеет право на свою жизнь, доктор Жерар. Если Леннокс не ценит ее по заслугам... ну, тогда найдутся другие мужчины.

— Например, вы?

Американец покраснел, потом с вызовом посмотрел на собеседника:

— Да! Я не стыжусь своих чувств к этой леди. Я искренне к ней привязан, глубоко уважаю ее и желаю ей счастья. Если бы она была счастлива с Ленноксом, я бы ушел со сцены.

— Но сейчас?

— Но сейчас я останусь! И буду рядом на случай, если я ей понадобится!

— Короче говоря, вы *parfait gentil*¹ рыцарь, — пробормотал Жерар.

— Прошу прощения?

— Мой дорогой сэръ, в наши дни рыцарство сохранилось только среди американцев! Вы готовы служить вашей даме без всякой надежды на вознаграждение. Это замечательно! Что именно вы надеетесь сделать для нее?

— Повторяю: быть под рукой на случай необходимости.

— А могу я спросить, как к вам относится старшая миссис Бойнтон?

— Насчет старой леди я никогда не был вполне уверен, — медленно отозвался Джефферсон Коуп. — Как я говорил, она избегает внешних контактов. Но со мной она всегда любезна и обращается как с членом семьи.

— Фактически она одобряет вашу дружбу с миссис Леннокс?

— Пожалуй.

¹ Безупречный и благородный (*фр.*).

236 Доктор Жерар пожал плечами:

— Вам это не кажется странным?

— Позвольте заверить вас, доктор Жерар, — чопорно произнес Коуп, — что в нашей дружбе нет ничего постыдного. Наши отношения сугубо платонические.

— Я в этом не сомневаюсь. Но повторяю — поощрение этой дружбы со стороны миссис Бойнтон выглядит странно. Знаете, мистер Коуп, меня очень интересует миссис Бойнтон.

— Она, безусловно, замечательная женщина — обладает яркой индивидуальностью и необычайной силой характера. Как я уже упоминал, Элмер Бойнтон во всем на нее полагался.

— До такой степени, что оставил детей полностью зависимыми от нее с финансовой точки зрения. В моей стране, мистер Коуп, закон это запрещает.

Джефферсон Коуп поднялся.

— Мы в Америке верим в абсолютную свободу.

Доктор Жерар тоже встал. Замечание не произвело на него впечатления. Он слышал его раньше от представителей многих национальностей. Иллюзия свободы как прерогативы собственной нации — весьма распространенное явление.

Но доктор Жерар был достаточно мудр и понимал, что ни одна нация, страна или личность не бывает полностью свободной, хотя существуют различные степени зависимости.

Он лег спать в состоянии задумчивости и заинтригованности.

Глава 6

Сара Кинг стояла на территории храма — Харам-эш-Шериф¹ — спиной к «Куполу скалы». Она вслушивалась в плеск фонтанов. Маленькая группа туристов прошла мимо, не потревожив сонную восточную атмосферу.

¹ Харам-эш-Шериф — арабское название Храмовой горы.

Содержание

КАРТЫ НА СТОЛЕ. Роман	
<i>Перевод А. Девеля и Л. Девель</i>	5
СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ. Роман	
<i>Перевод В. Тирдатова</i>	211